

Шакурова Гульназ Зиннатулловна

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Целью данной статьи является изучение влияния языкового фактора на политические процессы стран Центральной Азии. Особое внимание в работе автор уделяет взаимосвязи языка и политики. Вопрос статуса государственных языков становится значимым в связи с ситуацией выбора стратегии национального будущего стран Центральной Азии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 214-216. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 81'272(5)

Целью данной статьи является изучение влияния языкового фактора на политические процессы стран Центральной Азии. Особое внимание в работе автор уделяет взаимосвязи языка и политики. Вопрос статуса государственных языков становится значимым в связи с ситуацией выбора стратегии национального будущего стран Центральной Азии.

Ключевые слова и фразы: политический процесс; языковая политика; языковое планирование; страны Центральной Азии; региональная картина мира; этноязыковая ситуация; постсоветское пространство.

Гульназ Зиннатулловна Шакурова

Кафедра политологии и права

Казанский государственный энергетический университет

Shakurowa.g@yandex.ru

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ®

Язык - явление универсальное, связанное со всеми сторонами человеческой жизни, это не только средство коммуникации, но и система смыслов, хранилище всего разнообразия накопленных знаний, жизненного опыта, обычаев этнической/национальной общности, которые можно сохранить во времени и передать следующим поколениям [1, с. 205].

Язык во многих отношениях выступает как инструмент политики - от политической идеологии и риторики до консолидации и формирования на его основе народа как субъекта политического процесса. Поэтому как таковой инструмент язык не может оставаться вне политики, выступая зачастую одним из объектов ее воздействия.

Подчеркивая особую роль языка в политической сфере, Н. Луманн пишет, что вся политика - это «не более и не менее, чем коммуникация, и только через коммуникацию она может вводить в заблуждение как других, так и себя» [11, с. 31]. Следует также учитывать, что политика, помимо прочего, есть еще и особое употребление языка. И характеризуется это употребление не столько стилистикой и словарем, сколько особым отношением к реальности.

Рассматривая различные модели, стратегии, тактики и методы реализации языковой политики, стоит учитывать, что вопрос языковой принадлежности неразрывно связан с этнической, культурной и региональной идентификацией граждан, а в некоторых случаях - с религиозной, социальной и мировоззренческой принадлежностью людей. Все это превращает языковую политику в крайне опасный по своим возможным последствиям политический инструмент [4, с. 49].

Большинство бывших советских республик впервые столкнулись с труднейшей задачей формирования национальных государств, причем во многих из них, «сбросив коммунистические одежды, усвоив националистическую риторику и ссылаясь при каждом удобном случае на древнее происхождение своих стран», эту задачу решали представители старой коммунистической элиты [3, с. 107]. В результате в 1990-е годы все постсоветские республики переживали так называемый «имперский транзит». Среди его основных задач - создание национальных государств не на базе множества мелких политических образований и идентичностей, как в Европе «пояса городов», а на основе унаследованных из прошлого советских квазигосударств. Все центрально-азиатские государства во главу угла своей внутренней политики ставят вопрос укрепления национальной составляющей для формирования мононациональной государственной идентичности. М. А. Хрусталева правомерно выделил две основные задачи, стоящие перед правящей элитой центральноазиатских государств в условиях полиэтничности региона и этнократического характера власти в Центральной Азии: консолидацию титульных этносов и легитимацию этнократии [10, с. 61-62].

М. Н. Губогло для отражения политической роли языков «титульных наций» на постсоветском пространстве в 1990-е годы вводит понятие «мобилизованный лингвизм», которое определяет как «идеологию, практику и этнополитическую деятельность, направленные на создание национальной государственности с помощью предварительного утверждения статуса государственного языка как основы национального возрождения, а также проведения кадровой политики, ведущей к установлению этномонополии во власти» [2, с. 14].

При этом в подавляющем большинстве постсоветских государств предпринимаются радикальные меры по гомогенизации мультикультурных сообществ, которые Х. Линц и А. Степан называли «национализаторской политикой» [13, р. 35].

В качестве механизма достижения этих целей используется национальный язык. Во всех республиках региона реализуется политический курс, направленный на развитие только государственных языков титульных этносов. Республиканские законы о языках периода 1989-1990 гг. восстановили функции титульных языков и придали русскому девалифицированный юридический статус языка межнационального общения и только в редких случаях - официального языка. В следующий период русский язык потерял свою политическую гегемонию, но поддерживал без помощи идеологии свои прагматические функции на уровне бытовой жизни как единственная престижная «лингва франка» центральноазиатского мультиэтнического

региона, как рабочий язык на международной арене и как язык образования высшего уровня благодаря историческому престижу своей культуры, общепризнанной всеми национальностями региона. До сих пор не редки случаи, когда русский язык признается родным нерусскими народами [8, с. 63].

В рамках языковой политики бывшие советские республики в первую очередь издали законы, целенаправленные на защиту титульного языка, и, хотя формально гарантируется право преподавания на языках меньшинств, на практике резко уменьшилось финансирование для развития обучения на русском языке и на других языках. Примером служит продолжение медленного, но верного насаждения казахского языка в качестве обязательного для делопроизводства во всех отраслях и регионах республики. Одной из основ идентичности рассматривается знание всеми гражданами Казахстана казахского языка. Видно стремление строить общегражданскую идентификацию на принципе владения казахским языком в качестве основополагающего момента.

Когда в декабре 1991 г. независимый Казахстан появился на карте мира, из 16 млн его жителей только 6,5 млн были этническими казахами. Русских было всего на 300 тыс. меньше. Сейчас, по официальным данным, в Казахстане всего 3,8 млн русских. Учитывая опыт Приднестровья, в 1995 г. Н. Назарбаев подкорректировал государственную «национальную политику». Русскому языку был придан статус официального. И хотя в стране действует норма о том, что 50% вещания всех теле- и радиоканалов должно вестись на казахском языке, власти сквозь пальцы смотрят на ее повальное несоблюдение [1, с. 210]. Таким образом, в статусе государственного казахский язык обладает преимущественно символической функцией, символизируя «присвоение» власти этническими казахами, а также их предполагаемое единство перед лицом своих национальных меньшинств и России. В этом своем качестве он не играет универсальной коммуникативной роли, остающейся за русским языком, - зато позволяет исключить несогласных с его статусом из политической и общественной жизни [5, с. 42-44].

Парадоксальным образом вопрос о языке становится сегодня политическим инструментом как в активной внутренней борьбе между различными этническими и региональными кланами за контроль над властью и собственностью, так и в борьбе с начинающейся экономической экспансией крупного российского капитала в страны СНГ.

Такого рода политика и националистический дискурс, продуцируемые политическими и интеллектуальными элитами постсоветских государств, вольно или невольно легитимируют межэтническую вражду.

Отметим также, что явно политический характер имело и смешанное использование алфавитов (Казахстан, Узбекистан, Туркмения).

Решения о выборе и использовании алфавита нередко имеют политическую основу. Алфавит может стать важным объединительным или, напротив, разделительным фактором [12, р. 200]. Законы о языках, принятые незадолго до конца существования Советского Союза, или вообще не упоминали о возможном изменении алфавита, или касались этого вопроса в расплывчатой форме, без каких-либо определенных и обязательных установок [14, р. 77]. Вопросы, связанные с изменением алфавита, в определенных кругах рассматривались и воспринимались в аспекте решения задач «деколонизации» или «десоветизации» [6, с. 10]. Едва ли кого беспокоила при этом мысль, что очередная смена алфавита приведет снова к всеобщей неграмотности и что люди потеряют возможность свободно читать ту литературу, которая была издана здесь в советский период [7, с. 225].

Языков в мире около 4-5 тыс., т.е. их гораздо больше, чем государств и даже этнических общностей. «Максимум, чего добиваются государства, так это закрепление за одним или несколькими языками официального статуса, на которых должна общаться государственная бюрократия и отдаваться военные приказы», - отмечает В. А. Тишков. «Современные государства с демократическими нормами правления признают языковое разнообразие своего населения и даже поддерживают его, а также гарантируют языковые права представителей меньшинств» [9, с. 223-224], они вынуждены признавать этническую языковую дифференциацию своих граждан и даже способствовать ее воспроизводству, не получая от этого, как правило, никакой видимой социальной и политической пользы. Однако политика свободного выбора языка и идентичности - это и есть политика в интересах граждан мультилингвистического государства.

На сегодняшний день на постсоветском пространстве языковые права русскоязычных юридически гарантированы только в нескольких странах: в Киргизии, где конституционно оформлен статус русского языка как обязательного в органах государственной власти и местного самоуправления; в Казахстане, где согласно закону русский язык может «официально употребляться, наравне с казахским, в государственных организациях и органах самоуправления». В других постсоветских государствах в результате внедрения языка «титульной нации» в качестве единственного государственного русский язык постепенно вытесняется из политической, экономической, культурной жизни, средств массовой коммуникации. Резко сократились возможности получения образования на нем. Подобная языковая политика уже вызывает серьезные затруднения в сфере межличностной коммуникации граждан постсоветских государств, усиливая их отчуждение друг от друга.

Определение политического статуса, рамок функциональных и правовых полномочий русского языка, безусловно, представляло едва ли не одну из самых болезненных, сложных и ответственных задач языкового реформирования в большинстве бывших союзных республик. Существенными были два обстоятельства, через которые не могли легко переступить законодатели: во-первых, учет общегосударственных интересов по вертикали, необходимость поддержки контактов и наличие единого коммуникационного средства для официальных общений; во-вторых, потребность в официальном языке для осуществления горизонтальных связей без посреднической роли центра, прямых связей между республиками.

Поэтому в потенции сохранение русского языка как языка повседневного общения, культуры и экономической жизни стран СНГ может способствовать частичной неполитической консолидации постсоветского пространства на основе взаимного интереса и общего культурного наследия.

В описанном выше культурно-историческом контексте представляется, что мысль И. Г. Гердера обретает методологическое значение: если каждый народ «имеет свой национальный склад так же, как он имеет свой национальный язык», то, следовательно, этот склад можно преобразовать, трансформируя язык. Высказывание типа «Эта нация суверенна» только тогда может стать перформативным, если оно произведено на соответствующем языке: он - условие перформативности. Языковая агонистика, таким образом, становится выражением и продолжением политической борьбы и политических реформ.

Список литературы

1. Ачкасов В. А. Язык как инструмент «строительства нации»: постсоветский контекст // Политическая наука. М.: ИНИОН РАН, 2011. № 1. Этничность и политика. С. 204-218.
2. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
3. Доган М., Хигли Дж. Роль политического класса в смене режимов власти // НИИ мировой экономики и международных отношений. М., 1998. № 2. С. 101-108.
4. Дятленко П. Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве: аналитический обзор // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 49-59.
5. Кудайбергенов Д. Казахстанцы до упаду // Русский Newsweek. М., 2010. № 6 (275). С. 42-44.
6. Месамед В. Центральная Азия: языковые законы, титульные и прочие нации // Новости недели. 1999. 30 сентября.
7. Михальченко В. Ю. Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. М.: РАН, 1994. С. 221-235.
8. Перотто М. Язык и образование в постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии. М., 2008. № 4. С. 49-64.
9. Тишков В. А. Этнология и политика: статьи: 1989-2004 гг. М.: Наука, 2005. 359 с.
10. Хрусталев М. А. Этнополитическая ситуация в Центральной Азии // Южный фланг СНГ: Центральная Азия - Каспий - Кавказ: энергетика и политика. М., 2005. С. 61-62.
11. Юдина Т. В. Теория общественно-политической речи. М.: МГУ, 2001. 160 с.
12. Landau J., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2001. 240 p.
13. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore - L.: The John Hopkins Univ., 1996. 480 p.
14. Maurais J. Les lois linguistiques soviétiques de 1989 et 1990 // Revista de Liengua i Dret. 1991. № 15. P. 75-90.
15. Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. L.: Sage; International Peace Research Institute; United Nations Research Institute for Social Development, 1997. Vol. XV. 334 p.

THE LANGUAGE FACTOR OF THE POLITICAL PROCESS OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Gul'naz Zinnatullova Shakurova, Junior Researcher
Department of Political Science and Law
Kazan' State Energy University
Shakurova.g@yandex.ru

The goal of this article is studying language factor influence on the political processes of Central Asian countries. The author pays special attention to language and policy interconnection. The problem of state languages status becomes important in connection with the situation of choosing the national future strategy of Central Asian countries.

Key words and phrases: political process; language policy; language planning; Central Asian countries; regional world picture; ethno-language situation; post-soviet space.

УДК 94(470)

В статье представлены структурные и процессуальные особенности социального реформирования в Пермском крае. Исходя из имеющихся результатов, автором обоснована необходимость модернизации системы социального управления для наиболее эффективной борьбы с бедностью.

Ключевые слова и фразы: бедность; человеческий капитал; региональная социальная политика; социальное реформирование; борьба с бедностью.

Венера Рюзальевна Шаяхметова, к.и.н.
Кафедра общей отечественной истории
Пермский государственный университет
perm_venera@mail.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕДНОСТИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ®

В современной России решение проблемы бедности населения усилиями социально-ориентированного государства и институтов формирующегося гражданского общества приобретает особое значение. В настоящее время остро востребованы меры по оздоровлению социальной обстановки в стране, поэтому